

ботку алюминия и достигнуть большой экономии электроэнергии.

Наряду с этими работами сотрудники УФАН систематически оказывали техническую помощь предприятиям Урала и принимали активное участие в работе комиссии по мобилизации ресурсов на нужды обороны. Работа отдельных коллективов института УФАН в дни отечественной войны получила высокую оценку ряда предприятий и наркоматов.

Некоторым сотрудникам филиала было присуждено почетное звание лауреатов Сталинской премии, в том числе академикам И.П.Бардину, Л.Д.Шевякову, проф. И.К.Кикоину, а также старшим научным сотрудникам В.С.Обухову, В.В. Михайлову и А.А.Сигову.

В.Н. Мамяченков

(УрГУ)

Голод в уральской деревне в первые послевоенные годы: цифры и факты

Вопрос обеспечения крестьянства (впрочем, как и всего населения страны) продуктами питания очень остро стоял в первые послевоенные годы, особенно после засушливого и неурожайного 1946 года. В этом первом послевоенном году недобор зерновых составил треть всего зернового запаса бывшего СССР - этот запас сократился с 16987 тыс. тонн до 12681 тыс. тонн. На Урале сбор зерновых в 1946 году составил 1743,1 тыс. тонн или 81% к уровню 1940 года. В целом для СССР последствия неурожая были столь тяжелы, что из-за этого в стране на год была отложена отмена карточной системы продовольственного снабжения.

События 1946-1947 годов в стране в связи с засухой и нехваткой продуктов питания очень хорошо описаны в монографии В.Ф. Зимы. На основе богатого фактического материала автор исследовал причины и последствия массового голода, который испытало тогда население большинства регионов СССР, создав масштабную и впечатляющую картину всенародного бедствия. В то же время, как нам представляется, автор не совсем прав, утверждая, что первое робкое упоминание о голоде послевоенных лет было сделано лишь в 4-м томе коллективного труда по истории крестьянства только в 1988 году. Прямое упоминание о голоде в те годы можно найти, например, в монографии М.И. Волкова, изданной еще в 1972 году, где он пишет о том, что в первом послевоенном году «... недоедание, случаи дистрофии (выделено нами - В.Н.) пришлось пережить деревне в этот год», а «... тяжелые последствия войны и засухи переживала вся страна, весь народ».

Кроме того, нам представляется, что вряд ли правомерно связывать крайне тяжелую продовольственную ситуацию на Урале в первые послевоенные

годы только с засухой и неурожаем первого послевоенного года. Правильнее, видимо, было бы сказать, что тоталитарному советскому государству и по окончании войны не удалось положить конец нищенскому и полуголодному существованию крестьянства, что ни в 1945, ни в 1946 году оно не стало питаться существенно лучше, чем в военные годы, по-прежнему недоедая и нуждаясь в самом необходимом.

Эти рассуждения подтверждаются следующими данными. Действительно, валовое производство продукции земледелия по колхозам СССР в целом составило в 1946 году по сравнению с 1945 годом (в ценах 1926/27 годов) 94%, а по колхозам Урала - 97%. Но, в то же время, производство этой продукции в личных подсобных хозяйствах колхозников в 1946 году составило по СССР всего 91%, а на Урале - 129% по сравнению с 1945 годом. По регионам Урала этот показатель выглядел так: Башкирская АССР - 141%, Удмуртская АССР - 143%, Курганская (тогда Чкаловская) область - 102%, Оренбургская - 125%, Пермская - 129%, Свердловская - 129% и Челябинская - 83%. Таким образом, снижение данного показателя произошло только по Челябинской области (кстати, в колхозах этой области он был равен 95%).

Далее, если взять производство продукции животноводства в 1946 году, по сравнению с 1945 годом, то этот показатель выглядит следующим образом: по колхозам СССР - 106%, Урала - 91%, Башкирии - 92%, Удмуртии - 87%, Курганской области - 100%, Оренбургской - 83%, Пермской - 89%, Свердловской - 92% и Челябинской - 107%. В то же время в ЛПХ колхозников в 1946 году было произведено продуктов животноводства: по СССР - 106%, Уралу - 104%, Башкирии - 112%, Удмуртии - 107%, Курганской области - 106%, Оренбургской - 98%, Пермской - 100%, Свердловской - 102% и Челябинской - 95% по сравнению с 1945 годом.

Как видно из представленных цифр, никакого катастрофического снижения объемов продукции земледелия и животноводства в первом послевоенном году не произошло. Более того, некоторый недобор сельскохозяйственной продукции в колхозах, отразившийся прежде всего на оплате трудодней, вполне компенсировался ее поступлением из ЛПХ (тем более, что подавляющую часть продуктов питания колхозники получали от собственного подворья). Об этом же говорят и данные по потреблению основных продуктов питания в эти годы. Из них следует, что, например, в Башкирии в 1946 году по сравнению с 1945 годом потребление колхозниками зернобобовых составило 133%, картофеля - 119%, овощей - 119%, мясопродуктов - 148%, молокопродуктов - 100%, яиц - 146%. В 1947 году опять же по сравнению с 1945 годом эти цифры выглядели так: 117, 93, 164, 175, 106 и 148%.

Таким образом, данные бюджетных обследований говорят даже об улучшении питания колхозников Урала в первом послевоенном году, и, на первый взгляд, весьма существенном. Но здесь надо учитывать следующий очень важ-

ный момент: это вроде бы значительное увеличение потребления происходило на фоне его предельно низких абсолютных цифр, находящихся ниже всяких допустимых границ норм физиологического потребления продуктов питания. Достаточно сказать, что в той же Башкирии среднедушевое потребление, например, мясопродуктов в 1944 году составило всего 5,3 кг, а яиц – 13 штук (для сравнения: в России в бедняцкой семье в 1900 – 1913 годах годовое среднедушевое потребление мяса составляло 10 кг, яиц – 38 штук).

М.Н. Денисевич в своей монографии приводит страшные факты голодной жизни населения Урала в годы войны. Например, в Останкинском сельском совете Свердловской области только в 1942 году в колхозных детских яслях умерли от голода и болезней 30 детей, в Коптеловском – 44 ребенка, в Монастырском – 22, в Бобровском – 18 детей. Из этого примера и из многих других видно, что голод военного лихолетья и смертность от него были непомерно велики в годы Великой Отечественной войны.

Между тем голодные военные годы в настоящее время уже не так привлекают внимание историков и экономистов. Думается, причина этого в том, что факты голода во время войны всегда воспринимались как нечто если не естественное, то, во всяком случае, неизбежное следствие предельно напряженного состояния общества, ведущего справедливую войну с агрессором. Массовый же голод в послевоенное время (особенно на фоне «быстрого и успешного восстановления» экономики страны, о чем постоянно вешали средства массовой информации) уже не мог быть оправдан временными трудностями военного времени. Соответственно, такие факты в большей степени привлекают внимание исследователей.

Тема голода в послевоенной уральской деревне (как и вообще тема голода в СССР) была запретной вплоть до второй половины 1980-х годов. До этого времени авторы, занимающиеся исследованиями условий жизни сельского населения, отмечали лишь тенденцию к увеличению потребления продуктов питания в колхозных семьях без анализа количества и качества потребленных ими продуктов и без сравнения этих данных с аналогичными по семьям рабочих совхозов и промышленных предприятий. Так, только «улучшение питания уральских колхозников» в первые послевоенные годы подчеркивала Р. П. Толмачева в своей монографии. При этом значительное место в своих работах исследователи уделяли роли ЛПХ в питании колхозников, но не давали при этом внятного ответа на вопрос: почему же так велика была доля продуктов ЛПХ в общем объеме потребления крестьянских семей. А между тем ответ на этот вопрос был очевиден: хроническая нехватка любых товаров, в том числе продуктов питания, является неотъемлемым атрибутом командно-административной системы, и именно поэтому крестьянство не могло выжить без подсобных хозяйств.

Что же касается ответа на вопрос о том, действительно ли в

1946-1947 годах в уральской деревне царил голод, то на него можно ответить следующим образом: крестьянство Урала и после войны питалось плохо, хотя и не хуже, чем в военное время. Просто голод военного времени стал голодом времени мирного.

С.Л. Разиков
(УГТУ)

О создании базы данных «Первые рабочие Уралвагонзавода»

Одним из перспективных направлений развития исторической науки является внедрение новых методов исследования, в том числе с использованием ЭВМ. К ним, в частности, относится создание баз данных, основанных на приведении массового исторического источника в машиночитаемый вид с целью упрощения дальнейшей работы с ним, т.е. по терминологии известного немецкого историка, одного из создателей исторической информатики М. Талера, - на внедрении источнико-ориентированного подхода.

База данных «Первые рабочие Уралвагонзавода» была составлена по материалам ранее не опубликованных личных дел рабочих, хранящихся в отделе кадров УВЗ. База данных, созданная в СУБД Access 7.0, включает 692 записи и 40 полей, содержащих не только основные персональные характеристики (возраст, пол, семейное положение), но и информацию о месте рождения, роде занятий, уровне образования, социальной принадлежности и социальном происхождении, а также о продвижении по службе. Хронологические рамки исследования - 1935-1939 гг. Территориальная локализация - г. Н. Тагил (Свердловская обл.).

В базу данных были занесены сведения о 692 рабочих (из них 471 мужчина (68,1%) и 221 женщина (31,9%)), что составляет около 5% от числа работающих на УВЗ в 1939 г. (т.е. был достигнут достаточный уровень репрезентативности). По социальному положению выделено три группы: рабочие - 86% (595 чел.), служащие - 8,5% (59 чел.) и ИТР - 5,5% (38 чел.). Справедливость данного соотношения для уральских предприятий, как и ряд других фактов, подтверждается данными ценного источника по истории индустриализации на Урале - воспоминаниями американского рабочего Д. Скотта, работавшего в 30-е гг. в Магнитогорске. Среди первых работников завода выходцев из крестьян было 79,2% (248 чел.), из рабочих - 17,3% (54 чел.), из служащих - 2,6% (8 чел.), прочих - 1% (3 чел.). Сравнение только этих данных еще раз подтверждает вывод о высокой социальной мобильности в 30-е гг. (те же самые результаты дает изучение динамики продвижения по службе). Возраст рабочих (в половозрастной пирамиде отсутствует четкое распределение) и сведения о продвижении по